

корд» почав виробляти телевізори з 1957 року.

45. *Копійки* – певна сума грошей.

46. *Парад* – урочиста хода, огляд військ.

47. *Інтернат* – освітній заклад з цілодобовим перебуванням учнів, створене з метою виховання дітей.

48. *Дитбудинок* – дитячий будинок – виховний заклад для дітей, які не мають батьків.

49. *Современна* – тут мається на увазі сучасна.

Кошмак Микола Кузьмич: «Хоч ви і діти советських паразитов, но з голоду померти ми вам не дамо»

АРТЕМ ПАЛАМАРЧУК

Кошмак Микола Кузьмич, 1941 р.н., с. Бодотії Брусилівського району Житомирської області; пенсіонер. Тема: «Повоєнне дитинство».

Інтерв'юер: *Николай Кузьмич, розкажіть о вашем детстве.*

Николай Кузьмич: Какого года рождения... я в действительности и сам не знаю. Потому что... родился я в селе Бодотыи Брусиловского района Житомирской области. *(Пауза)*. В 41-м году отец работал на скирде – скирдовали, и он упал со скирды на бочку с водой, переломил хребет и умер. Мне говорили о том, что я стоял возле отца, когда он лежал в хате на лавке. Но я этого не помню. Нас осталось четверо хлопцев и мать. Иван – самый младший, я, потом Гриша и Петро. Мать работала в колхозе звеньевой, ну... на бурьяках. Я помню, шо... Войны... войну, я помню только, ну... урывками. Помню коров возле сарая с разорванным животом и внутренностями, ну, шо вылезли. Помню... небо в таких, от каких-то белых пятнах, это я сейчас уже понимаю, шо это были зенитные эти самые, снаряды – разрывы. В Бодотыях – это село называлось так наше – я ходил в школу, сначала в маленькую школу, наверно ну в первый класс. А потом ходил в большую школу, но это был второй класс, или по прежнему первый, я этого тоже не помню. *(Пауза)* Жить было тяжело потому, что работала одна мать, а мы еще были

маленькие, а тут она простыла на бурьяках и умерла. Я помню, шо меня какая-то бабка, когда мать хоронили, посадила на телегу, ну, возле матери. Ну, и после этого мы начали крепко страдать. У нас нечего было есть. *(Пауза)*. Иван еще был совсем маленький, а я был постарше, поэтому старшие меня посылали просить хлеб. Ну, по дворам. Я сначала ходил... ну, вблизи к своему дому. А однажды, в связи с тем, что люди жили, ну, тоже бедно, однажды я пошел через речку и по огородам зашел... ну, во двор, дома на другой улице. И, видать, попал к какому-то начальнику, или же председатель сельсовета, или председатель колхоза. Потому шо у нас село было большое – было три колхоза: «имени Сталина», «Буденного», а третье я уже и забыл, ну, три колхоза было. *(Пауза)*. Не помню я уже третий, «Победы», по-моему. И когда я вот этому у которого просил хлеб, начальника рассказал, хто мы, шо мы, где мы и как мы, после этого нам в сельсовете переделали документы. Нам уменьшили года. Отца нашего сделали командиром партизанского отряда. И по этим документам, мы еще ездили в Брусилов, там чего-то оформляли документы. По этим документам нас направили в специальный детский дом. Этот

детский дом для детей офицеров и партизанов. Этот детдом находился в селе Ушомере Коростенского района Житомирской области. Помню... там положено было отбыть две недели карантина. Я помню, как мы жили в карантине. Карантин находился возле бани, ну, в общем двери рядом были, здесь была баня, а здесь такая комнатуха, и тут был карантин. После этого нас отправили в группу. Иван, еще, по-моему, был в малышах, я точно не помню, а меня отправили снова в первый класс. Я уже умел читать, поэтому учительница этим пользовалась, и вот когда изучали новый материал, она часто меня вызывала. и это самое, ну, заставляла читать меня вместо себя, то ж обычно положено, чтоб учительница первая прочитала. В награду (*смеется*) она мне дала книгу, так, Микола Трублаїні там как-то «Морские рассказы», или что-то такое. Когда я уже этот первый класс почти окончил, потому что уже было тепло, мне приснился сон, шо возле печи стоит мать и зовет есть блины. Я пошел к Ивану, брату, рассказал ему. Мы на завтрак взяли хлеб – мой и его. И я на следующий день сбежал из детдома. Шел через хутор Ковбасчина, там потом лесом до станции, она так и называлась Ушомир станция. Сначала хотел сесть в поїзд, но меня работник станции прогнал. Я тогда пошел в сторону Житомира по рельсам. Шел сколько, не знаю, честно говоря. И когда уже стемнело, я пришел на какой-то полустанок, знаешь такой вот... ну, маленький хуторок... это самое. И надо было где-то ночевать, я попросился ночевать в одну хату, попал к какой-то бабке. Ну, она меня приняла, я ей это все рассказал, как и шо. Она говорит: «Знаешь шо, сынок, оставайся ты пока у мене, будеш козу пасти». И то я начал пасти цю козу. А тут проходили поезда, и они тут останавливались, правда, так: остановился и пошел, остановился и пошел. И вот однажды я как раз возле этого полустанка пас эту козу. Остановился поезд, я вскочил в этот вагон и поезд тронулся. Приехали в Житомир. В Житомире сошел, ну, на вокзале сошел. И честно говоря, вспомнил, шо когда мы ехали в детдом, так, мы в Жито-

мир приехали вечером, и меня шо больше всего удивило, шо вот ну станция была освещена, а небо было черное. Ну, это лампочки горели, там это самое. И я запомнил, что там с той стороны был сквер, и я пошел туда в сквер, там лавочки были. Потом прошло некоторое время, я прилег на лавочку, до меня подошел милиционер, начал спрашивать, кто я что я. Ну, и понял, шо я, а у меня ж форма уже была детдомовская, понял, шо я с детдома. Забрал меня и отправил в детприемник в Житомире. Там меня отлупцювали, раздели, и я там был длительное время, наверное, недели, две отак от. Потом за мной приехал воспитатель, и когда мы ехали, ну, назад, в Житомире, я от него сбежал. И в этом же поезде уехал в Коростынь. В Коростыне меня снова поймала милиция. И этот милиционер посадил, ну, там как раз тоже два ребенка были, они плакали, ну, а я не плакал. И он еще говорит: «От смотри, бачиш – не плаче, а вы ревете». И он посадил меня, как раз получилось возле окна, а окно было открытое. И он это разговаривал с этой детворой, а я прыгнул через окно и побежал, ну, от станции (*смеется*). А там за станцией, понимаешь, не асфальтированная, а бульжниковая дорога такая. И мне почему-то показалось, что это дорога от Брусилова, и я пошел по этой дороге. Шел, ночевал, где, ну, приходилось, под кустами, где это самое, что, ну, где приходилось, там и ночевал. А потом, меня догнало, как это назвать, люди гнали скот, и у них там была подвода, не помню уже, человек 5 – 6 их было. Ну, и увиділи, шо я ж иду, степь, и я иду один, и они меня догоняют. Остановили, начали расспрашивать. «Знаешь шо, Микола, давай з нами, ми будем гнать скот зотот через поворот на Брусилув, и вот давай с нами, а мы тебе покажем этот поворот». И вот я у них побыл, не знаю сколько, ну, в общем, довели меня до этого поворота. А это была трасса, это я уже сейчас помню, Житомир – Киев, а они ведать гнали скот на Киев. Ну, показали они мне эту дорогу, и я по этой дороге пошел. Пришел в Брусилув, а я уже знал, что от Брусилова до Водотый 10 километров, ну,

где то так, ну, там леском надо было идти, но дорога была прямая, так что можно было пройти. Дошел я, дошел и не иду это самое, ну, по улице, а задворками, там речушка была, и я по берегу это самое, дошел до своего огорода. Вижу на огороде, ну, тля-ет, наверное, ну, женщина какая-то. Я ползком, пополз мимо ее и во двор, на дверях замок висит, ну, я покрутился, делать нечего, и пошел на здвиг. А шо это такое? Это, в общем, луг, и там торф добывали, там где-то сёл 5 добывали этот торф. И там же скот весь пасся. Ну... пробыл я там сколько не знаю. Подкармливали меня эти пастухи, потом там кухня была от... в колхозе раньше, ну, обед варили в поле, то же эти поварахи меня там подкармливали. А потом дошло это до Петра, шо я брожу по сдвигу, Петра не взяли в детдом, ему где-то было 14 или больше. Его соседи женили, еще до армии задолго, познакомили его с девушкой и женили. Это был где то 48-й год, мама умерла в 47-м. Ну, не это важно, важно другое. Я однажды ночевал так, в уютном ну, где колхозники обед готовили, и там волк, или Бог его знает, ну, шото светилося. Я перепугался крепко. И я потом узнал, шо на конюшне волки, ну, это сожрали коня. И я тогда решил перейти в село, ну, потому что волки. И ехала подвода и груженная сеном, по-моему, а может соломой, и я сзади залез туда, а это оказывается Петро ехал. Он меня забрал и повез назад в детдом, это уже было где-то... уже холода были. И меня снова отправили в первый класс. *(смеется)* Ну, вот и все. Ну, шо, закончил я это самое 7 классов, меня отправили в Ворошиловград в специальное ремесленное училище №6. Закончил я это ремесленное училище. Единственный среди всех получил 5 разряд слесаря по ремонту промоборудования. Дело в том, что металловедение вел у нас... ну, замдиректора завода, и ему понравились мои ответы. А он был председатель госкомиссии, и у меня на экзамен был, это самое, ну... коробка скоростей токарного станка, ну, это самое сложное, что там было. Ну, шо, закончил «ремесло», пошел работать в завод, в заводе проработал, ну, до какого... Аааа, подожди,

я рассчитался и поехал в Донецк к Гришке, ну, он работал тоже в заводе «15 ВЛКСМ», он взял меня в бригаду. Потом у нас вышел конфликт, короче говоря, я бросил все. А там как раз в это время целина была модна, и я попер в Казахстан. В Казахстане работал помощником комбайнера. Потом вот, поранил руку, когда пахал ночью на тракторе и мне хотели ее отрезать. А она, понимаешь шо, заражение получилось, она, это самое, я не дал. А потом вышел на дорогу, а ехала как раз машина с солдатами, ну, там такой закон был, всех подбирали подряд потому, шо там иначе нельзя было. Никого за шо подвозят, денег не брали. Ну, и увидели, «ту чего зарюмцанный», а я заплаканный был, ну, я и рассказал. Они говорят: «знаеш шо, поехали з нами, у нас фельдшер есть, старичок, если он скажет, что надо резать, то надо резать». Ну, и я согласился, поехали. Он посмотрел и говорил так, шо будет очень больно. И я у его пробыл где-то с неделю. И он ото мене массировал эту руку, разрезал, массировал, она сначала была синяя, а потом она покраснела, ну, отошло, это самое. А потом он перемотал и говорит: «Ну, все можешь ехать». А мне, когда в Адбасаре, это районный центр, больница там, когда я отказался резать, отрезать руку там, они от меня потребовали, чтобы я расписку дал и выдали мне, а я сказал, что поеду в Москву лечить. И они мне выдали бумажку, чтоб меня рассчитали за 24 часа. Ну, я ж ото после этого, воинской части, приехал так и пошел же, по моему парторгу, подал от эту бумажку и меня рассчитали. И я там оставил, по-моему, где то больше 3 тонн пшеницы. Там выдавали зарплату деньгами и пшеницей. Я ото ж когда меня рассчитали, поехал в Адбасар, сходил в баню, помылся, перед этим зашел в магазин купил полностью, ну, все, шо нужно было. *(смеется)*. И поехал обратно, устроился на завод «Октябрьской революции», меня снова взяли в то же самое общежитие. Ну, и все, а потом женился и все.

Интерв'юер: А как школа проходила?

Николай Кузьмич: Какая?

Интерв'юер: *Ну, вот вы сказали, что пошли в первый класс. А как вообще в школе было?*

Николай Кузьмич: У меня очень хорошо шла математика, очень хорошо. Я все время по математике был самым сильным в классе, даже вот отличники, и те от меня отставали. Был такой случай, Микола Михайлович... Каплан, по-моему, его звали... Зато я очень плохо по языкам был. А учился так ,7 классов закончил, а потом после ремесла, так, я в вечернюю ходил в Ворошиловграде и закончил ее в 62-м году.

Интерв'юер: *А как вы в Ворошиловград попали?*

Николай Кузьмич: Мастера ремесленных училищ ездили по стране и вербовали. Самое интересное, знаешь, что было? Когда нас везли сюда так, а поезд приходил рано утром в Ворошиловград, а где-то там под Полтавой отак, мы это самое, темно было, и небо было не звездное. Темень сумасшедшая. И кто-то пустил [слух] по вагону, а мы целый вагон нас ехало, это вербованных или как там назвать, кто-то пустил чутку о том, что мы уже въехали под землю (*смеется*). Так интересно не то, тишина, все положились, молча все, и заснули. А поезд пришел рано утром в Ворошиловград, и мы просыпаемся глядь, а там солнце появилось, и мы всем вагоном «Ура» как гаркнем. Это хорошо запомнилось (*смеется*). А потом что женитьба, институт и работа. Хватит?

Интерв'юер: *Какой в детдоме был? Жизнь какая была?*

Николай Кузьмич: Там все по трубе, все строем. Ну, как от. Подъем: играет труба – подымаешься, идешь умываешься, заправляешь койку. После этого идешь убирать свою территорию, потому что сам весь детдом территория была разделена, ну, на площадки, каждое звено убирало постоянно одну и ту же территорию. Это то, шо я пропустил. И когда у нас... очень плохо кормили, было такое, шо давали кусочек хлеба, две тюльки и стакан чаю. А мы, наше звено это – я, Будник, Прокопчук, Ленька Ярчевский, Сологуб... ну, всех не помню уже. Мы убирали беседку, ну, такая вот это

самое, была хмелем так покрыта. Нам там обычно воспитатели шо-то рассказывали, шо-то читали, ну, как политбеседы проводили. И мы однажды пришли туда, а там на столе 16 мешков муки. Я не знаю, это говорить или нет? (*смеется*). А там лист, и написано було: «Хоч ви і діти советських паразитов, но з голоду померти ми вам не дамо».

Интерв'юер: *А кто это был?*

Николай Кузьмич: Бендеровцы. Да.

Интерв'юер: *А какой это год?*

Николай Кузьмич: Где-то начало 50-х. В 55-м я в ремесле только начал, а закончил в 57-м. А детдом закончил в 55-м. Не, ну, уже начиная с 51 – 52-го нас кормили хорошо, ну, в каком смысле хорошо, ну, по крайней мере, мы не голодные были. А то ж так, ходили и смотрели, где б что пожрать. От, например, ну, груши, яблоки, ну, все лобода, щавель все это. Нам воспитатели даже говорили так: «Пойдем на луг пастись». Правда, от осенью было легче: там уже орехи были, ягоды были... было тяжело. Я даже помню, был случай такого характера, от играет труба – подъем, а половина из нас не подымается, силы нет подняться. Ходит медсестра и уколы делает, полежишь немножко, отойдешь и начинаешь шевелиться. Было и такое. Ну, это послевоенные годы там они вообще тяжелые были. Один Жадан умер, но это случай был, в каком отношении. Там получилось как? У нас наказание, одно из наказаний – не давать есть. От, например, ты там отказался койку заправить, воспитательница: «Сегодня ты без завтрака», или, например, ты не выполнил задания – не всполол свой участок, и: «сегодня остаешься без обеда», или, ну, любое, что ты там сделал не так. И у оно с Жаданом как получилось. Ему не дали есть, одна воспитательница, и она сменилась, а он получил наказание от другой, и эта ему не дала есть, и так у него получилось несколько раз. А я был в хороших отношениях с поваром, Степан Пелипович был. А воспитатели так, ели отдельно от нас и он, по-моему, кусок, ну, кость дал из их пищи. Ну, и я ж Жадану отнес, и он ото схватил и получился, позже говорили, заво-

рот кишок. Это единственный, кто умер, все остальные действительно остались в живых. Все.

Интерв'юер: *А «бендеровцы» как-то проявляли себя еще?*

Николай Кузьмич: Был один случай так, меня даже в Коростынь возили на суд. В общем, я не знаю, как оно там получилось так, шо жена председателя сельсовета узнала о том, что он бендеровец.

Интерв'юер: *Председатель сельсовета?*

Николай Кузьмич: Нет. Там они встретились где-то на лугу, жена председателя сельсовета и этот, шо он, или прятался, я, честно, не знаю этого. А она передала мужу, а муж вызвал милицию. И они начали его гнать, отак от луг был, а потом – отак от – полукругом, и мимо детдома. И слышно было автоматные очереди и, понимаешь, казалось, как будто по забору отак от палкой: тататататата. И мы ж повылазили все наверх, а Коньков, это бывший командир разведки у Сабурова был, он нас согнал с заборов. Это было где-то метров 50 от детдома, и когда уже его, а его ранили этого бендеровца. И когда его уже забрали так, я еще на подводе вез его в больницу, и он просился – пристрелите меня. В общем, я шо отвез его в больницу, солдаты там охраняли, точнее милиция. И с подводой вернулся в детдом, и с Прокопчуком пошли ж на то место, где его на подводу, садили или ложили, и там нашли часы на том месте. А там потом ото следователи ходили, расспрашивали за эти часы, забрали у нас эти часы. А потом через некоторое время нас возили на суд в Коростынь. Суд как суд, в общем, ему дали 20 лет и 5 лет без права гражданства. А вот уже Коньков рассказывал, шо там где-то, ну, километров 3 – 4 от нас туда в лес, было село Пугачевка, там нашли сховище так, где было оружие и барахла, что можно было дивизию целую одеть. Ну, это он уже рассказывал, это не мои, это он рассказывал. Дело в том, шо после того, когда мешки от эти с мукой, нам сразу ввели политзанятия. Начали говорить о том, что бендеровцы пытались подпалить детдом, ну, в общем, такое все,

ну, в воспитательных целях рассказывали все, что могли рассказывали. А чтоб это выглядело, наверное, это самое начали политику вталкивать, ну, шо в газетах там писали. Ну, и все по-моему.

Интерв'юер: *А Коньков, кем он был?*

Николай Кузьмич: Он сначала командир разведки у Сабурова был. Потом работал в Коростенской милиции и, по-моему, поступил в Житомирский педагогический институт по профессии географ. А когда он, наверное, был на втором или на третьем курсе, он приехал к нам, был сначала воспитателем, а потом стал завучем. И жена его тут же работала воспитательницей. И я знаю, шо он был ястребком. В общем, в то время, вот в тех местах коммунисты, сторонники советской власти в доме имели оружие. Дело в том, шо этот Коньков, так он пытался меня усыновить, ну, и когда они, наверно, оформили документы, я-то их не видел, честно говоря. Его жена, а она работала воспитателем в старшей группе, забрала меня домой где-то после первой смены, это где-то, ну, после обеда. И вот мы идем по парку, а она ж мне все вдальблывает: «Ти ж дивись, назви його татом».

Интерв'юер: *Они по-украински говорили?*

Николай Кузьмич: Не, они по-русски говорили, но Анна мне говорила: «Татом назови», я-то по-украински разговаривал, понимаешь. Ну, пришли туда, к ним домой, а у них домик был возле почты как раз. Я попросился на речку, ну, и на речке это самое, честно говоря, настраивал себя назвать его отцом. А потом шо получилось, я когда пришел уже под вечер, так пришел так и там, по-моему, хто-то у них был или шо. А там, в сенях так, там это, как оно называется от это – вешалка такая здоровая с крючками. И я спрятался и притронулся – металл. Когда ушли все так, я открыл, а там оказывается – ручной пулемет висел, автомат ППШ с круглым таким диском и форма бендеровца. Я не знаю, как оно у меня получилось так, я это все закрыл, дождался ж будущего своего отца. И когда он зашел я спросил «Тато, а для чога тобі бандерівська форма». Утром, я был уже в детдоме (*сме-*

ется). Ну, по моему все я уже рассказал, что можно было.

Интерв'юер: *Вот вы сказали ястребком, а как это?*

Николай Кузьмич: Они в бендеровской форме бандитизмом занимались, чтоб на-

род думал, шо это бендеровцы. У народа нужно было создать мнение о бендеровцах, как о бандитах. Потому что бендеровцы выступили против Советской власти. Так, я все рассказал, я пойду покурю, а то ты меня замучишь.

Псьол Людмила Кирилівна: «Каждый праздник одежда была новая»

КАРИНА ПСЬОЛ

Псьол Людмила Кирилівна, 1945 р.н., м.Донецьк, Україна;бухгалтер, пенсіонерка. Дата проведення: 12 січня 2010 р. Тема: «Повоєнне життя».

Людмила Кирилловна: Родилась 27 июля 1945 года (*пауза*). Мы жили у бабушки, землянка была. Домик такой из глины, две комнаты в нем было. Не хватало места. Потом отец пошел в совхоз [1] работать трактористом [2], нам дали план, и мы строили дом. Дядя нам помогал, и мы дом строили на Пятихатках [3]. Как я жила? После войны жили мы, ну, бедно.

Потом отца посадили за собранные колосочки [4], посадили, а мы жили... (*задумалась, вспоминает*). Комбайн прошел, а он собирал колоски, чтобы их намолотить, чтобы хлеб был. По рассказам матери секретарь парторганизации [5] Соловьев поймал его на поле, привел, в конторе [6] посадил, и вызвали милицию [7]. Одного его посадили из совхоза. Просидел он шесть лет. Был он в Мариуполе, мама ездила туда каждую неделю и возили туда и хлеб, и буряк столовый, и гарбузы. Каждую неделю в воскресенье он выходил и питался. А потом его направили в Архангельск лес валить. Письма оттуда писал. Все нам в совхозе сочувствовали. Соловьева ненавидели.

Мама работала гектарницей [8]. А мы, кто где. В детстве мы были предоставлены сами себе. Мать работала на гектарах, а мы

сами себе были предоставлены. Гуляли, корову пасли, у бабушки корова была.

Я помню, когда праздник был 1 мая [9], давали мне 3 руб. и я 100 гр. конфет «Школьных» покупала. Так я ела (*улыбается*), это мне казалось, шоколадные конфеты были. Я в детстве мечтала, что, когда я буду взрослая, буду покупать себе каждую зарплату 100 гр. шоколадных конфет. Мечтала (*улыбается*).

В первый класс я пошла в 52-м или в 51-м году в 97-ю школу. В школу пошла, и было у меня ситцевое платье с букетами, и помню, я собиралась в школу и намочила кусок черного хлеба в воду, и посыпала сахаром. Это был мой завтрак, как сейчас помню (*задумалась, вспоминает, плачет*).

Отец мой вернулся до школы. Отец работал на машзаводе Рутченковском [10]. Мы тогда жили, ну, не бедно: питание было, корову держали.

Потом четыре класса кончила, пошли мы на Рутченково [11], в 11 школу, там десятилетка [12]. В школу ходили только в форме. Купила мне мать школьную форму [13] в седьмой класс, и я носила ее до одиннадцатого класса, а до седьмого класса ходила в старой форме сестры Вали.

Каждый день мне давала мать рубель, чтобы я кушала. И я думала, а там жарили